

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХИАТРИЯ

УДК 616.89-008.44:608.7-053.6|465*13/*18|:616.89-008.444.9-027.584

Для цитирования: Бадмаева В.Д., Карауш И.С., Чибисова И.А. Сверхценные образования и информационная среда как потенциальные факторы криминальной агрессии несовершеннолетних. Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2025. № 1 (126). С. 46-55. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2025-1\(126\)-46-55](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2025-1(126)-46-55)

Сверхценные образования и информационная среда как потенциальные факторы криминальной агрессии несовершеннолетних

Бадмаева В.Д., Карауш И.С., Чибисова И.А.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации
Россия, 119034, Москва, Кропоткинский пер., 23

РЕЗЮМЕ

Актуальность изучения психопатологических особенностей сверхценных образований определяется отсутствием единства в понимании существенных вопросов, таких как объём, понятия, четкие границы, критерии отграничения. Важность решения этих вопросов связана с тем исключительным местом, которое сверхценные идеи занимают на грани непсихотических и психотических расстройств. **Цель:** изучить особенности сверхценных образований в структуре различных психических расстройств у несовершеннолетних с криминальной агрессией, вовлеченных в деструктивные интернет-сообщества. **Материалы.** Обследовано 34 несовершеннолетних 13-18 лет, подвергшихся в связи с привлечением их к уголовной ответственности комплексному судебному психолого-психиатрическому освидетельствованию в ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. Из общей выборки выделены две группы обследованных: 1) планировавшие и/или совершившие нападения на образовательные учреждения (n=25), 2) совершившие террористические акты, квалифицируемые как публичное оправдание и пропаганда терроризма в интернет-пространстве, с применением оружия, убийством или покушением на убийство двух и более лиц (n=9). **Методы:** клинико-психопатологический, психологический, статистический. **Результаты.** Нарушения психического здоровья выявлены у 88,1% обследуемых. Среди психических расстройств с более высокой частотой отмечались расстройства шизофренического спектра (35,3%) и формирующиеся расстройства личности (29,4%). Общими для всех несовершеннолетних, вне зависимости от наличия или отсутствия психических расстройств, являлись следующие характеристики: формирование различных сверхценных образований, увлечение деструктивным интернет-контентом. Сверхценные образования в структуре психической патологии несовершеннолетних с криминальной агрессией включали идеаторный, аффективный и поведенческий компоненты и представляли собой психопатологически и по фабуле неоднородную группу. Выделены варианты идеаторного компонента сверхценных идей в аспекте враждебности, агрессии и насильственных действий по отношению к представителям определенных территориальных, этнических, демографических сообществ. К категории сверхценных идей отнесены идеи радикального ислама, продвигающие идеологию запрещенной в РФ террористической организации «Исламское государство» (ИГИЛ), славянофильские – пропагандирующие «чистоту славянской нации», нацистские – провозглашающие идеологию фашизма. Выявлены корреляционные связи между наличием сверхценных образований, агрессивным поведением, проявлением агрессии к живым объектам и наличием в клинической картине элементов параноидного синдрома. **Заключение.** Выделенные варианты являются дискуссионными и представляют собой объект для дальнейшего исследования. В целом фабула сверхценных идей несовершеннолетних отражает современные социально-мировоззренческие тенденции, а также влияние психологических изменений, происходящих на фоне социальной ситуации развития детей и подростков в эпоху цифровой социализации.

Ключевые слова: сверхценные образования, несовершеннолетние, психические расстройства, криминальная агрессия, деструктивный контент.

ВВЕДЕНИЕ

Важность изучения специфики подростковой психопатологической симптоматики обусловлена наличием характерных для этого периода непатологических аналогов, определяющих непрерывность переходов от нормы к болезни [1]. Типичные для подросткового возраста психопатологические синдромы и состояния могут наблюдаться в рамках различных нозологических форм, образуя полиморфную клиническую картину психических расстройств. В существующей практике судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетних пубертатная симптоматика зачастую играет одну из ведущих ролей в реализации подростками криминальных агрессивных правонарушений. Психопатологические синдромы, характерные для пубертатного периода, редко встречаются в изолированном виде, преимущественно они совмещаются и являются взаимозависимыми. Эта закономерность наиболее наглядна при синдроме сверхценных образований, который, как правило, сочетается с другими подростковыми синдромами.

Под сверхценными образованиями понимают субъективно значимые и чрезвычайно аффективно заряженные суждения, идеи или переживания, которые занимают неоправданно большое место в психике и могут овладевать сознанием больного, определяя его поступки [2]. Концепция сверхценной идеи впервые была предложена К. Вернике более 100 лет назад и определялась как изолированное убеждение, которое изначально можно считать обоснованным в контексте жизненного опыта и личности человека, но в дальнейшем определяющее его действия в патологической степени [3]. Пациент не пытается бороться со сверхценной идеей, а наоборот, «наслаждается ею, усиливает и защищает её», в результате чрезмерная одержимость становится более устойчивой к оспариванию [4].

В подростковом возрасте опасность формирования сверхценных идей особенно велика, так как подросток пытается вырабатывать теории и мировоззрения, которые смогут примирить имеющиеся противоречия в жизни и создать гармоническое целое [5]. Данный синдром является нозологически нейтральным, имеет выраженную возрастную окраску и относится к расстройствам личностного регистра [2]. При особых обстоятельствах сверхценные переживания могут возникать у здоровых подростков, но чаще они развиваются на патологической почве и могут возникать при разных психических заболеваниях. Анализ структуры сверхценных образований в подростковом возрасте показывает, что они не всегда укладываются в понятие «идеи», резко смещая соотношение основных компонентов

«идея-аффект» в сторону последнего, особенно при пограничных состояниях. Идея часто оказывается завуалирована аффектом и не всегда сразу различима [6]. Поэтому для подросткового возраста характерны сверхценные переживания, интересы, представления, увлечения, привязанности, неприязнь, ненависть, сверхценная переоценка собственной личности, сверхценное чувство изгойности, сиротства, неуверенности в себе. В основном сверхценные образования, характерные для подросткового возраста, можно определить как чрезвычайно аффективно заряженные, резко доминирующие в сознании и субъективно значимые суждения, представления, интересы, аффекты, тесно связанные с личностью и конкретными обстоятельствами и имеющие четкую тенденцию к реализации в виде поступков, вплоть до криминального поведения [1].

В зависимости от нозологии структура и динамика сверхценных образований у несовершеннолетних имеет специфические особенности. При пограничных состояниях сверхценные образования возникают преимущественно психогенно на фоне пролонгированных или хронических психогений, дезактуализируясь в дальнейшем на фоне разрешения психотравмирующей ситуации. Для психопатий тенденция к редукции сверхценностей к концу пубертата является характерной (50%), при шизофрении она нетипична (10%) [1]. В структуре шизофрении сверхценные образования нередко возникают в самом начале болезненного процесса, становятся аутохтонными еще в пубертатном периоде, отличаются стойкостью, малой психологической понятностью и тенденцией к трансформации в сверхценный бред.

С современных позиций некоторые исследователи рассматривают формирование сверхценных идей у подростков как неконструктивный способ снизить уровень базальной тревоги и адаптироваться к информационной перегрузке. Наличие и содержание сверхценной идеи определяет цель, вектор действий, оппонентов/«врагов», с которыми нужно бороться, что на какое-то время способствует снижению уровня тревоги [7]. Попытки разубеждения и контраргументы пресекаются с гневом, что нередко сопровождается дисфорическими реакциями, агрессией. Большое значение при этом имеет отсутствие семейной поддержки, воспитание детей по типу гипопротекции [8].

Наибольшая криминогенность подростков со сверхценными образованиями совпадает с пиком пубертатных интенсивных и неравномерных изменений психики, с периодом трансформации сверхценных идей в бредовые, с возникновением комплексных сверхценных образований, аутохтонных аффективных расстройств и охваченности болезненными переживаниями.

Как показывает современная практика судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, особой социальной опасностью в плане возможной агрессии подростков с психическими расстройствами представляют сверхценные патологические идеи с бредовой интерпретацией своего «особого значения», величия («я Бог»), болезненное рассуждательство относительно устройства мира, навязчивые гомицидоманические идеи, нарастание охваченности темой смерти и суицидальными намерениями. В формировании и динамике таких сверхценных образований существенную, а нередко и ведущую роль играют интернет-ресурсы с выраженной ауто- и гетероагрессивной тематикой [9].

Вовлечение несовершеннолетних в экстремистскую и террористическую деятельность в современную эпоху социальной цифровизации представляет серьезную социальную опасность. Одними из характерных черт проявлений экстремизма в молодежной среде являются: продвижение идеологии насилия и фанатизма, сочетающейся с нравственно-идеологической неразборчивостью в средствах достижения цели; абсолютное противопоставление «своих» и «чужих», страх перед непохожим на себя, ксенофобия, которая в целом может пониматься как навязчивый страх и как враждебность ко всему чужому (образу жизни, идеям, мировоззрению); нетерпимость (не всегда обязательно осознаваемая) в отношениях и поведении при взаимодействиях с представителями определенных социальных или этнических групп [10]. Показано, что формированию ксенофобного поведения у подростков способствует высокий уровень тревоги, воспитание в неполных семьях и взросление без биологического отца, холодный эмоциональный семейный климат с большим количеством конфликтов и насилия [11], а также взаимосвязь тревоги с имеющимися когнитивными искажениями (тенденция исказить информацию и считать неоднозначные ситуации враждебными) [12].

Таким образом, актуальность изучения психопатологических особенностей сверхценных образований определяется отсутствием единства взглядов в понимании существенных вопросов, таких как объём, понятия, четкие границы, критерии отграничения [2, 13]. Важность решения этих вопросов напрямую связана с тем исключительным местом, которое сверхценные идеи занимают на грани непсихотических и психотических расстройств.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучить особенности сверхценных образований в структуре различных психических расстройств у несовершеннолетних с криминальной

агрессией, вовлеченных в деструктивные интернет-сообщества.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Настоящее исследование выполнено на базе отделения судебно-психиатрической экспертизы и социальной психиатрии детей и подростков ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России.

Проведено обследование 34 несовершеннолетних 13-18 лет с криминальной агрессией (из них 32 подростка мужского пола), подвергшихся в связи с привлечением их к уголовной ответственности освидетельствованию в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ). Из общей выборки выделены две группы обследованных: 1-я группа – планировавшие и/или совершившие нападения на образовательные учреждения (n=25), 2-я группа – совершившие террористические акты, квалифицируемые как публичное оправдание и пропаганда терроризма в интернет-пространстве, с применением оружия, убийством или покушением на убийство двух и более лиц (n=9). Средний возраст обследуемых составил 17 [15; 18] лет. Большинство несовершеннолетних (76,5%) проживали в полных семьях, остальные подростки – с матерями, при этом отношения с отцами, как правило, поддерживались. Формально большинство семей характеризовались благополучными, неконфликтными внутрисемейными отношениями, только в одной семье к ребёнку применялось физическое насилие.

Применялись клинико-психопатологический, психологический, статистический методы. Индивидуально-психологические особенности личности были выявлены с помощью методик: Стандартизированный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ) (шкала тревожности, интегративные показатели), опросник агрессии Басса-Перри (ВРАQ-24) (шкала враждебности). Для обработки полученных результатов исследования использован программный пакет STATISTICA v.10.0. Распределение данных признано отличным от нормального, центральные тенденции и дисперсии количественных признаков представлены медианой (Me) и квартилями [Q25%; Q75%]. Статистическая взаимосвязь между индивидуально-психологическими особенностями обследованных подростков исследовалась с помощью коэффициента корреляции Спирмена.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Структура психических расстройств у подростков, выявленных в ходе комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, представлена в таблице 1.

В целом нарушения психического здоровья выявлены у 88,1% обследуемых. Среди психических

расстройств, установленных несовершеннолетним в ходе комплексной СППЭ, с наиболее высокой частотой зарегистрированы расстройства шизо-

френического спектра (35,3%) и формирующиеся расстройства личности (29,4%).

Т а б л и ц а 1. Структура психических расстройств, установленных у несовершеннолетних подростков в ходе комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (n=34)

Психические расстройства (код по МКБ-10)	Количество, абс. (%)
Органические расстройства: Другие органические расстройства личности и поведения, обусловленные болезнью, травмой и дисфункцией головного мозга (F07.08), Органическое непсихотическое расстройство в связи со смешанными заболеваниями (сосудистого, травматического генеза) (F06.828)	3 (8,8)
Расстройства шизофренического спектра: Шизоаффективное-расстройство, смешанный тип (F25.2), Острое шизофреноподобное психотическое расстройство (F23.2), Острое полиморфное психотическое расстройство с симптомами шизофрении (F23.1), Недифференцированная шизофрения (F20.3), Псевдопсихопатическая (психопатоподобная) шизофрения (F21.4)	12 (35,3)
Аффективные расстройства: Депрессивный эпизод средней степени без соматических симптомов (F32.10), Другие одиночные расстройства настроения (F38.00)	3 (8,8)
Формирующиеся расстройства личности: Смешанные расстройства личности (формирующееся смешанное расстройство личности) (F61.03), Диссоциальное расстройство личности (F60.2), Другие стойкие изменения личности (F62.8)	10 (29,4)
Расстройства адаптации со смешанным нарушением эмоций и поведения (F43.25)	1 (2,9)
Социализированное расстройство поведения (F91.2)	1 (2,9)
Отсутствие психических расстройств	4 (11,9)

В группе несовершеннолетних, совершивших/планировавших совершить нападения на образовательные организации, чаще других выявлялись расстройства шизофренического спектра (40%), формирующиеся расстройства личности (2,4%) и аффективные расстройства (12%). Психически здоровыми признано 12% (n=3) обследуемых.

В группе несовершеннолетних, совершивших террористические акты, квалифицируемые как публичное оправдание и пропаганда терроризма в интернет-пространстве, с применением оружия, убийством или покушением на убийство двух и более лиц, преимущественно обнаружены формирующиеся расстройства личности (44,4%) и расстройства шизофренического спектра (22,2%). Психически здоровым был признан один обследуемый.

Общими характеристиками для всех несовершеннолетних, вне зависимости от наличия или отсутствия психических расстройств (а при их наличии – независимо от нозологии), являлись следующие: наличие сверхценных образований, увлечение деструктивным интернет-контентом с агрессивной и аутоагрессивной тематикой.

Сверхценные образования в структуре психической патологии несовершеннолетних с криминальной агрессией включали ряд компонентов – идеаторный, аффективный и поведенческий и представляли собой психопатологически и по фазе неоднородную группу. Компоненты сверхценных образований включали аффективно заряженные, доминирующие в сознании подростков

субъективно чрезвычайно значимые суждения, представления, интересы, эмоции, существенно влияющие на их поведение. Отмечались сверхценные идеи отношения, реформаторства, гомицидоманические идеи. При этом у несовершеннолетних с *расстройствами шизофренического спектра* нарастание охваченности сверхценными гомицидоманическими идеями в основном сопровождалось появлением гебоидной симптоматики (ненависть к людям, мнение, что «люди – мусор и грязь, недостойная жить»), стремлением к совершению массовых убийств (желание «вскрыть глотку каждому», «чувствовать ногами тепло крови», «доставать кишки людей», видеть их страдания, слышать «хруст переломанных костей»). Как правило, гомицидоманические сверхценные идеи не имели адресной направленности, а были обращены к социуму вообще: «...лучше этих социально гниющих тварей сразу убить, а потом сделать суицид, чем сделать только суицид». Формирующиеся гомицидоманические сверхценные идеи несовершеннолетних с *органическими расстройствами* не отличались масштабностью, фокусировались сугубо вокруг личных мотивов («меня никто не понимал, все только посмеивались», «считал себя никому не нужным, не хотелось жить, постоянно думал, чтобы убить своих обидчиков»). Центрируясь на «обидях» (реальных или воображаемых), нанесённых конкретными сверстниками, в ситуации совершения нападения на школу в качестве жертв подростки сознательно выбирали детей начальных классов, поскольку «малолетки не окажут сопротивления, смогу больше человек убить».

Один из несовершеннолетних причину подобного выбора жертв пояснял: «Всегда хотелось что-то сделать детям, особенно маленьким, как можно младше», «Иногда стоял около детского сада и наблюдал за детьми, хотелось посмотреть, как будет литься их кровь». Гетероагрессивные тенденции у таких лиц часто формировались в сочетании с аутоагрессивными («1-1,5 года назад появилось желание убить кого-то, а затем себя», «хотел убить много людей, а потом себя») и нередко усугублялись на фоне употребления алкогольных напитков.

У несовершеннолетних с *формирующейся личностной патологией* наряду с заострением патохарактерологических личностных особенностей (демонстративность, эгоцентричность, конфликтность, склонность к манипулятивному поведению, эгоцентризм, недостаточная эмпатия, своеобразие интересов, склонность к внешнеобвиняющим формам реагирования) отмечались сверхценные идеи расовой ненависти и доминирования, национал-социализма и т.п., объясняемые поиском «...механизма для нажатия кнопки радости» либо обретения счастья, которое заключается в «деструктиве мук и грёз людей», у которых он «отнимет жизни». Поступки совершались на фоне навязчивых мыслей о «тяготах» и «никчемности» собственной жизни («всё плохо, ничего не радует, пора заканчивать серую жизнь»).

Ксенофобное поведение в аспекте враждебности, агрессии и насильственным действий по отношению представителям определенных территориальных, этнических, демографических сообществ [14] также находит отражение в формировании соответствующих установок и идей у несовершеннолетних. Условно в данном контексте нами выделено три варианта идеаторного компонента сверхценных идей: идеи радикального ислама, продвигающие идеологию запрещенной в РФ террористической организации «Исламское государство» (ИГИЛ), славянофильские – пропагандирующие «чистоту славянской нации», нацистские – провозглашающие идеологию фашизма.

Наличие сверхценных идей радикальной исламской настроенности проявлялось в увлечениях просмотром роликов и видеозаписей жестокой направленности из хроники военных и насильственных действий, осуществляемых лицами этой террористической организации (видео казни пленных, отрезание головы, убийства жестоким способом), прослушиванием информации о «приверженности вере», идеях «священной войны». Примером поведенческой реализации подобных идей была запись ролика в соцсетях, где несовершеннолетний присягал некой террористической организации, говорил, что «...будет убивать людей», планировал «убийства неверных на пути джихада».

Несовершеннолетние со сверхценными идеями, условно обозначенными нами как славянофильские, демонстрировали приверженность русским националистическим взглядам, интерес к исторической прозе («читал о легендарных событиях Древней Руси, национальных корнях русичей»), ориентацию в политических направлениях, пропагандирующих националистические взгляды, распространяли идеи исключительности лиц русской национальности и неполноценности лиц неславянского происхождения. Примером поведенческой реализации подобных идей было участие в деятельности преступных групп, осуществлявших покушение на убийство и умышленные убийства представителей неславянских национальностей. Данные действия объяснялись «благой помощью обществу» и стремлением стать «частицей силы, которая освободит Москву от неславян».

Несовершеннолетние со сверхценными идеями, пропагандирующими идеологию Гитлера / фашизма, характеризовались следующим образом: «...на уроках рисовал на партах или в тетрадях свастику и другие символы фашистской идеологии... говорил о ненависти к людям, считал, что «...их нужно убивать, убивать и еще раз убивать»; «поддерживал радикальный национал-социализм (свержение государственного и конституционного строя, террористические акты, убийства инородцев), читал пособия по обучению изготовлению взрывчатых веществ («Русский диверсант», «Поваренная книга анархиста»), высказывал идеи переустройства мира и общественного конституционного строя. Подобные идеи реализовывались, например, через поджоги церквей, «для того чтобы люди не верили в православие, поскольку христианство – это религия рабов». Другой несовершеннолетний, увлекающийся чтением «Mein Kampf», представляющий себя «Адольфом» и «нацистом», отстаивал свои твердые убеждения («единственная правильная раса – арийская»), делился планами по свержению действующей власти, выражал негативное отношение к мигрантам, призывал к террористическим атакам с применением самодельных взрывных устройств и осуществлял их.

Общими характеристиками идей, базирующихся на ксенофобных установках, были доминирование одной расы, гомицидоманические тенденции и значимая роль деструктивного контента в становлении и укреплении сверхценных образований. В зависимости от психического статуса, наличия или отсутствия психической патологии они формировались на почве утрированных подростковых комплексов (при акцентуациях характера) как собственно сверхценные идеи при формирующихся личностных расстройствах, а при эндогенных процессах постепенно трансформировались в бредоподобные/бредовые идеи.

Несовершеннолетние обеих подгрупп воспринимали и характеризовали взаимодействие со сверстниками как сложное, некомфортное и/или исключаящее, были склонны фиксироваться на имевших ранее место обидах и унижениях (реальных или воображаемых) из-за непонимания, неприятия со стороны сверстников или взрослых, при этом испытывали сильную потребность в общественном признании, что в свою очередь стимулировало их к поиску новых социальных групп и контекстов. Такими группами/сообществами оказывались интернет-сообщества, относящиеся к так называемому деструктивному контенту. Подростки, совершившие экстремистские и террористические деяния, являлись приверженцами идей национализма, размещали в социальных сетях посты и информационные материалы, содержащие признаки оправдания идеологии и практики насилия и террора, террористической и экстремистской деятельности, совершения насильственных действий. Подростки, совершившие нападение/попытку нападения на образовательные организации, демонстрировали приверженность субкультуре Колумбайн (запрещенная в РФ террористическая организация) – как внешне (используя внешнюю атрибутику нападавших), так и поведенчески (вели в социальных сетях переписку, содержащую агрессивные высказывания, обсуждали план захвата школы и т.п.). Для части этих подростков было характерно сопереживание и одобрение не только «школьных стрелков», но и повышенный интерес к сайтам террористической и экстремистской направленности. В личных делах некоторых несовершеннолетних были отражены данные о запросах в Интернете об изготовлении взрывчатых веществ, о подробностях терактов, биографиях лиц, совершивших теракты, изображениях людей различных национальностей, сведениях о количестве мигрантов в стране и т.п. В дневниковых записях этих подростков встречались цитаты из священного писания, схемы различных церковных строений, теории эволюции, определения таких терминов как «гомицидомания», «неонацизм», списки людей, которые требуют наказания/казни. На наш взгляд, реализация характера социально опасного поведения таких подростков может определяться влиянием или целенаправленной обработкой их «ловцами душ» в интернет-пространстве, умело убеждающими в благородстве целей [15].

Нами также была изучена вероятность наличия взаимосвязи между индивидуально-психологическими особенностями (применительно к данному фрагменту исследования с акцентом на сверхценные образования) подростков с криминальной агрессией с помощью коэффициента корреляции Спирмена.

Выявлены статистически значимые корреляционные связи умеренной силы между наличием сверхценных образований и агрессивным поведением ($r=0,54$, $p<0,05$), в частности между агрессией на живые объекты ($r=0,41$, $p<0,05$) и наличием в клинической картине элементов параноидного синдрома ($r=0,43$, $p<0,05$), что было расценено как прогностически неблагоприятный фактор, свидетельствующий о стойкости изучаемого симптомокомплекса и высокой вероятности его потенциально неблагоприятного развития.

ОБСУЖДЕНИЕ

Основными формами психических расстройств, которые были выявлены в рамках КСППЭ у 88,1% несовершеннолетних, планировавших и/или совершивших нападения на образовательные учреждения, террористические акты с публичным оправданием и пропагандой терроризма в интернет-пространстве, с применением оружия, убийством или покушением на убийство двух и более лиц, являлись расстройства шизофренического спектра, формирующиеся расстройства личности, депрессивный эпизод и органическая патология.

Аргументами для объединения в одну исследовательскую группу лиц, совершивших террористические действия и нападения на образовательные организации, являлись: 1) увеличение количества ситуаций, сочетающих элементы террористических акций и нападения на образовательные учреждения несовершеннолетними по данным литературы [16, 17, 18]; 2) планирование своих действий заранее, совершение их в основном в одиночку; 3) мотивы совершения поступков, как правило, не материальные, а идеологические, т.е. «мести», «борьбы с несправедливостью», личной славы и т.п.; 4) совершение агрессивных действий с использованием определенных культурных сценариев (сценарий «школьные расстрелы» с традиционной атрибутикой и т.п.); выбор жертв нападения в большей степени не из-за личных конфликтов, а в виду их символического значения, 5) увлечение деструктивным контентом, который зачастую влиял на содержание формирующихся сверхценных образований и направленность действий несовершеннолетних (основной фактор).

Полученные данные о том, что враждебность, агрессия и насилие к представителям определенных территориальных, этнических, демографических сообществ находят отражение в формировании сверхценных идей несовершеннолетних с криминальной агрессией, сопоставимы с данными других авторов. Так, ранее отмечалось, что ксенофобные установки, в основе которых лежат сверхценные идеи о значимости собственной нации и неполноценности других, потенциально опасны и могут привести к экстремистскому поведению и террористическим действиям [19, 20].

Сверхценные идеи о превосходстве какой-либо нации и неполноценности других в данном контексте рассматриваются не только как расстройства мышления, но и как идеи высокозначимого характера, как один из ведущих мотивов деятельности.

Анализ сверхценных образований обследованных также позволил выявить признаки, которые ранее исследователями были квалифицированы как указывающие на их патологический характер: выражено доминирование в сознании аффекта, представления на уровне овладевающей идеи, аффективная заряженность/охваченность сверхценными образованиями, отсутствие попыток поиска других решений, нарушение критики, отсутствие борьбы мотивов при принятии решения, в части случаев появление бредовых интерпретаций [6]. С учетом особенностей реализации в поведении идеаторного компонента и тяжести совершенных несовершеннолетними деяний изучаемый симптомокомплекс представляется как юридически значимый в совершении криминальной агрессии.

Следует отметить сложность дифференциации синдрома сверхценных образований с бредовыми/бредоподобными идеями и отсутствие четких критериев признаков для дифференциальной диагностики. В этом аспекте необходимо учитывать, с одной стороны, специфику подросткового возраста с вероятностью формирования непатологических состояний, определяющих непрерывность континуума «норма-болезнь», с другой — своеобразие современной ситуации развития детей и подростков, одновременно адаптирующихся в условиях реальной и виртуальной действительности, причем влияние последней нередко оказывается жестким и травматичным. Наличие личностной уязвимости, вероятно, определяет стойкость и выраженность сверхценных идей, прогностически неблагоприятную динамику данного феномена.

Ограничениями проведенного исследования являются небольшой объем выборки, а также отсутствие в комплексе клинико-психологического обследования клинических шкал и опросников, позволяющих достаточным образом «объективизировать» обсуждаемые клинические феномены, оценить степень их выраженности и клиническую динамику. Данный аспект является перспективой наших исследований в изучении особенностей агрессивного поведения несовершеннолетних.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило определить структуру психических расстройств в выборке несовершеннолетних с ауто- и гетероагрессивным криминальным поведением, подвергшихся комплексному судебному психолого-

психиатрическому освидетельствованию в связи с привлечением их к уголовной ответственности. Основными формами психических расстройств, выявленных в рамках КСППЭ, у несовершеннолетних, которые планировали и/или совершили нападения на образовательные учреждения, террористические акты с публичным оправданием и пропагандой терроризма в интернет-пространстве, с применением оружия, убийством или покушением на убийство двух и более лиц, являлись расстройства шизофренического спектра и формирующиеся расстройства личности. Анализ анамнестических данных и полученные результаты клинического обследования подтверждают значимость увлечения подэкспертными контентом, который может быть отнесен к категории деструктивного.

В клинической картине психических расстройств доминировали разнообразные сверхценные гомицидоманические идеи, нарушения межличностного взаимодействия, ощущение отчужденности/отвержения, увлечение интернет-ресурсами с выраженной ауто- и гетероагрессивной тематикой. Выделенные нами варианты идеаторного компонента сверхценных идей (идеи радикального ислама, продвигающие идеологию запрещенной в РФ террористической организации «Исламское государство» (ИГИЛ), славянофильские — пропагандирующие «чистоту славянской нации», нацистские — провозглашающие идеологию фашизма), являются дискуссионными и представляют собой объект для дальнейшего изучения, а в дальнейшем по мере увеличения объема исследовательской выборки либо при воздействии новых социальных влияний, вероятно, могут претерпеть трансформацию. В целом фабула сверхценных идей несовершеннолетних обеих групп исследовательской выборки отражает современные социально-мировоззренческие тенденции, а также влияние психологических изменений, происходящих на фоне социальной ситуации развития детей и подростков в эпоху цифровой социализации.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии явных и потенциальных конфликтов интересов в связи с публикацией данной статьи.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Исследование проведено в рамках выполнения государственного задания ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России № 056-00037-23-00 по теме «Разработка комплексных моделей клинико-психологической диагностики, экспертизы, профилактики, межведомственного взаимодействия при работе с детьми и подростками в контексте преступлений, совершенных в информационной среде и киберпространстве».

СООТВЕТСТВИЕ ПРИНЦИПАМ ЭТИКИ

Работа соответствует этическим стандартам Хельсинкской Декларации ВМА, «Правилам клинической практики в РФ», утвержденным Приказом Минздрава России № 266 от 19.06.2003 г.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Гурьева В.А., Дмитриева Т.Б., Макушкин Е.В., Гиндикин В.Я., Бадмаева В.Д. Клиническая и судебная подростковая психиатрия / под ред. В.А. Гурьевой. М.: Изд-во «Медицинское информационное агентство», 2007. С. 70-88. Guryeva VA, Dmitrieva TB, Makushkin EV, Gindikin VYa, Badmaeva VD. Clinical and forensic adolescent psychiatry. V.A. Guryeva, eds. Moscow: Medical Information Agency Publishing House, 2007. P. 70-88 (in Russian).
2. Гурьева В.А., Исаченкова М.П. Сверхценные образования в подростково-юношеском возрасте при психопатиях и шизофрении (возрастная специфика, ранняя дифференциальная диагностика, судебно-психиатрическая оценка). Методические рекомендации. М.: НИИ общей и судебной психиатрии, 1989. 18 с. Guryeva VA, Isachenkova MP. Overvalued formations in adolescence and youth with psychopathies and schizophrenia (age specificity, early differential diagnostics, forensic psychiatric assessment). Guidelines. Moscow: Research Institute of General and Forensic Psychiatry, 1989:18 (in Russian).
3. McKenna PJ. Disorders with overvalued ideas. Br J Psychiatry. 1984 Dec;145:579-85. <https://doi.org/10.1192/bjp.145.6.579>. PMID: 6391600.
4. Winokur G, Clayton P. The medical basis of psychiatry. Philadelphia: Saunders, 1986:599.
5. Эриксон Е. Детство и общество. СПб.: Изд-во Летний сад, 2000. 416 с. Erikson E. Childhood and Society. St. Petersburg: Letniy Sad Publishing House, 2000:416 (in Russian).
6. Гурьева В.А., Семке В.Я., Гиндикин В.Я. Психопатология подросткового возраста. Томск: Изд-во Томского университета, 1994. 310 с. Guryeva VA, Semke VYa, Gindikin VYa. Psychopathology of adolescence. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 1994:310 (in Russian).
7. Добряков И.В., Лисковский О.В. Механизмы формирования девиантного поведения в современных социокультуральных условиях. Российский девиантологический журнал. 2023. № 3 (1). С. 10-16. Dobryakov IV, Liskovsky OV. Mechanisms of formation of deviant behavior in modern socio-cultural conditions. Russian Journal of Deviantology. 2023; 3(1):10-16. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-1-10-16> (in Russian).
8. Реан А.А. Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст. Национальный психологический журнал. 2015. № 4 (20). С. 105-110. Rean AA. Risk factors of deviant behavior: family context. National Psychological Journal. 2015;4(20): 105-110. <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0410> (in Russian).
9. Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Чибисова И.А., Александрова Н.А., Федонкина А.А. Комплексная психолого-психиатрическая оценка диагностически сложных психических состояний у несовершеннолетних обвиняемых. Судебно-психиатрическая диагностика / под ред. Е.В. Макушкина, А.А. Ткаченко. М.: НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского. М., 2017. С. 288-385. Makushkin EV, Badmaeva VD, Dozortseva EG, Oshevsky DS, Chibisova IA, Aleksandrova NA, Fedonkina AA. Comprehensive psychological and psychiatric assessment of diagnostically complex mental states in juvenile defendants. Forensic psychiatric diagnostics. EV Makushkin, AA Tkachenko, eds. Moscow: National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky. Moscow, 2017:288-385 (in Russian).
10. Емельянов И.А. Социально-психологические детерминанты проявления экстремизма в подростково-молодежной среде и основные направления его профилактики. Особенности реализации молодежной политики в вопросах профилактики экстремизма в городе Новосибирске. Сб. материалов V межрегион. Научно-практ. форума. Новосибирск, 2021. С. 72-77. Emelianov IA. Social and psychological determinants of the manifestation of extremism in the adolescent and youth environment and the main directions of its prevention. Features of the implementation of youth policy in matters of preventing extremism in the city of Novosibirsk. Collection of materials of the V Interregional Scientific and Practical Forum. Novosibirsk, 2021:72-77 (in Russian).
11. Wahl K. Development of xenophobia and aggression. J. Comp. Appl. Crim. Justice. 2002;26(2):247-256. <https://doi.org/10.1080/01924036.2002.9678690>
12. Pace U, Passanisi A, D'Urso G. Emotional and cognitive correlates of hating among adolescents: An exploratory study. J Adolesc. 2018 Oct;68:159-164. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2018.08.002>. Epub 2018 Aug 8. PMID: 30098486.
13. Степанова Л.Н. Доминирующие, сверхценные идеи и паранойяльный бред в клинике психопатии, судебно-психиатрическая оценка этих состояний: автореф. дис. ... к.м.н. М., 1972. 23 с. Stepanova LN. Dominant, overvalued ideas and paranoid delusions in the clinic of psychopathy, forensic psychiatric assessment of these conditions: dissertation abstract Cand. Sc. (Medicine). Moscow, 1972:23 (in Russian).
14. Гурина О.Д. Психологические факторы ксенофобного поведения у подростков: зарубежные исследования [Электрон. ресурс]. Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7, № 4. С. 40-45. Gurina OD. Psychological factors of xenophobic behavior in adolescents: foreign studies [Electronic resource]. Modern Foreign Psychology. 2018;7(4):40-45. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2018070405> (in Russian).

15. Гайворонская И.Б., Фомина Т.Ф., Аманжолова Б.А. Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет. Психология и право. 2020. Т. 10, № 4. С. 152-165. Gaivoronskaya IB, Fomina TF, Amanzholova BA. Recruitment into extremist and terrorist organizations via the Internet. Psychology and Law. 2020;10 (4):152-165. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100411> (in Russian).
16. Liem M, van Buuren J, de Roy van Zuijdewijn J, Schönberger H, Bakker E. European lone actor terrorists versus “common” homicide offenders: An empirical analysis. Homicide Stud. 2018 Feb;22(1):45-69. <https://doi.org/10.1177/1088767917736797>. Epub 2017 Oct 31. PMID: 30443150; PMCID: PMC6196579.
17. Sandberg S, Oksanen A, Kiilakoski T, Berntzen L. Stories in action: The cultural influences of school shootings on the terrorist attacks in Norway. Crit Stud Terror. 2014;7(2):277-296. <https://doi.org/10.1080/17539153.2014.90698>
18. Lankford A, Hakim N. From Columbine to Palestine: A comparative analysis of rampage shooters in the United States and volunteer suicide bombers in the Middle East. Aggression and Violent Behavior. 2011; 16:98-107. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2010.12.006>
19. Кулешов Р.В. Психолого-криминалистические особенности субъектов преступлений экстремистской и террористической направленности как объект научного изучения [Электронный ресурс]. Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 1 (64). С. 38-40. Kuleshov RV. Psychological and forensic characteristics of subjects of crimes of extremist and terrorist nature as an object of scientific study [Electronic resource]. Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies. 2016. No. 1 (64). P. 38-40 (in Russian).
20. Vrsanska I, Kavicky V, Jangl S. Xenophobia – the cause of terrorism in a democratic society. Int. J. Humanit. Soc. Sci. 2017 July;7(4):168-171. <https://www.ijhssnet.com/journal/index/3826>

Поступила в редакцию 27.09.2024

Утверждена к печати 03.03.2025

Бадмаева Валентина Дорджиевна, д.м.н., руководитель отдела социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России. SPIN-код РИНЦ 3064-0101. ResearcherID AAB-1761-2021. ORCID iD 0000-0002-2345-3091. badmaeva.v@serbsky.ru

Карауш Ирина Сергеевна, д.м.н., ведущий научный сотрудник отделения судебно-психиатрической экспертизы и социальной психиатрии детей и подростков, доцент учебно-методического отдела ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России. SPIN-код РИНЦ 4193-9285. ResearcherID J-2343-2017. ORCID iD 0000-0003-1920-6175.

Чибисова Ирина Анатольевна, к.м.н., руководитель отделения судебно-психиатрической экспертизы и социальной психиатрии детей и подростков ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России. SPIN-код РИНЦ 5673-3608. ResearcherID KRQ-3786-2024. ORCID iD 0000-0001-8822-5607. chibis-irena@mail.ru

Карауш Ирина Сергеевна, karaush.i@serbsky.ru

UDC 616.89-008.44:608.7-053.6|465*13/*18|616.89-008.444.9-027.584

For citation: Badmaeva V.D., Karaush I.S., Chibisova I.A. Overvalued formations and the information environment as potential factors of criminal aggression of minors. *Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*. 2025; 1 (126): 46-55. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2025-1\(126\)-46-55](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2025-1(126)-46-55)

Overvalued formations and the information environment as potential factors of criminal aggression of minors

Badmaeva V.D., Karaush I.S., Chibisova I.A.

FSBI "V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology"
of the Ministry of Health of the Russian Federation
Kropotinsky Lane 23, 119034, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Background. The study of psychopathological features of overvalued formations is determined by the lack of unity in understanding essential issues, such as volume, concepts, clear boundaries, and delimitation criteria. The importance of solving these issues is associated with the exceptional place that overvalued ideas occupy on the border of nonpsychotic and psychotic disorders. **Objective:** to study the features of overvalued formations in the structure of various mental disorders in minors with criminal aggression involved in destructive online communities. **Materials.** The study involved 34 minors aged 13-18 years who, in connection with their criminal prosecution, underwent a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination at the Federal State Budgetary Institution "V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation. Two groups of respondents were identified from the total sample: 1) those who planned and/or committed attacks on educational institutions (n=25), 2) those who committed terrorist acts qualified as public justification and propaganda of terrorism in the Internet space, with the use of weapons, murder or attempted murder of two or more persons (n=9). **Methods:** clinical-psychopathological, psychological, and statistical. **Results.** Mental health disorders were detected in 88.1% of respondents. Among mental disorders, schizophrenia spectrum disorders (35.3%) and emerging personality disorders (29.4%) were noted with a higher frequency (35.3%). The following characteristics were common to all minors, regardless of the presence or absence of mental disorders: the formation of various overvalued formations, passion for destructive Internet content. Overvalued formations in the structure of mental pathology of minors with criminal aggression included a number of components, such as ideational, affective and behavioral, and represented a psychopathologically and plot-wise heterogeneous group. Variants of the ideational component of overvalued ideas in the aspect of hostility, aggression and violent actions towards representatives of certain territorial, ethnic and demographic communities were identified. The category of overvalued ideas includes ideas of radical Islam, promoting the ideology of the terrorist organization "Islamic State" (ISIS), prohibited in the Russian Federation, Slavophile ideas – propagandizing the "purity of the Slavic nation", Nazi ideas – proclaiming the ideology of fascism. Correlation links between the presence of overvalued formations, aggressive behavior, manifestation of aggression towards living objects and the presence of paranoid syndrome elements in the clinical picture were revealed. **Conclusion.** The identified options are debatable and represent an object for further research. In general, the plot of overvalued ideas of minors reflects modern socio-ideological trends, as well as the influence of psychological changes occurring against the background of the social situation of development of children and adolescents in the era of digital socialization.

Keywords: overvalued formation, minors, mental disorders, criminal aggression, destructive content.

Received September 27, 2024

Accepted March 03, 2025

Badmaeva Valentina D., D. Sc. (Medicine), Head of the Department of Social and Psychiatric Problems of Minors, FSBI "V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. SPIN-code RSCI 3064-0101. ResearcherID AAB-1761-2021. ORCID iD 0000-0002-2345-3091. badmaeva.v@serbsky.ru

Karaush Irina S., D. Sc. (Medicine), lead researcher at the Department of Forensic Psychiatric Examination and Social Psychiatry of Children and Adolescents of the Department of Social and Forensic Psychiatric Problems of Underage Children, Associate Professor of the Educational and Methodological Department, FSBI "V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. SPIN-code RSCI 4193-9285. ResearcherID J-2343-2017. ORCID iD 0000-0003-1920-6175.

Chibisova Irina A., Cand. Sc. (Medicine), Head of the Department of Forensic Psychiatric Examination and Social Psychiatry of Children and Adolescents, FSBI "V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. SPIN-code RSCI 5673-3608. ResearcherID KRQ-3786-2024. ORCID iD 0000-0001-8822-5607. chibis-irena@mail.ru

✉ Karaush Irina S., karaush.i@serbsky.ru